

Ремонт в той квартире только начался, когда все надежды рухнули. Неизвестно, продолжили ли его потом, но Ху Лянь хорошо помнил, что дверь в детскую комнату той квартиры, где когда-то жил Лю И, с тех пор была наглухо заперта, а ключ спрятан подальше от глаз.

Ху Лянь сидел в своем кабинете один. В приемной уже погасили свет, оставив лишь пару ламп. Он поднял голову, вглядываясь в полумрак, и в его взгляде читалась нерешительность.

Была одна вещь, о которой он так и не рассказал Лю И.

Вскоре после того, как стало известно о бесплодии Лю И, Ху Лянь получил неожиданный звонок из суррогатного агентства. Ему сообщили, что некий клиент, желавший завести ребенка, зарегистрировался и забрал образец спермы, но из-за халатности сотрудников агентства ему по ошибке выдали биоматериал Лю И.

Сначала Ху Лянь лишь слегка удивился: с точки зрения Лю И, это не было потерей. Но для того человека, мечтавшего о ребенке, использование чужого материала означало крах надежд — либо беременность вовсе не наступит, либо закончится выкидышем через несколько месяцев.

Ху Лянь тогда по доброте душевной напомнил сотруднику агентства:

— Я благодарен, что вы позвонили и рассказали правду, но разве сейчас не важнее связаться с тем человеком, который хочет ребенка?

Сотрудник агентства, сохраняя относительное спокойствие, ответил:

— Если бы дело было только в этом, мы бы уже давно позвонили той стороне!

У Ху Ляня дернулось веко, когда он услышал продолжение:

— Проблема в том, что тот человек пришел на процедуру три месяца назад! Беременность наступила успешно! Мы сами лишь недавно обнаружили ошибку в образцах.

Ху Лянь чуть не подпрыгнул на стуле:

— Что? Беременность наступила?!

— Да! Срок три месяца, состояние стабильное. Мы хотели связаться с клиентом, как только узнали об ошибке, но теперь мы не можем его найти!

Ху Лянь нахмурился:

— В смысле — не можете найти?

— Указанный номер телефона не отвечает, а имя и номер удостоверения личности при регистрации оказались фальшивыми! Домашний адрес тоже поддельный! Мы попросту не можем его отыскать!

Именно в тот момент Ху Лянь по-настоящему осознал, что такое отчаяние после крушения надежд.

Получив эту новость, он лично отправился в агентство. Когда ему предоставили данные клиента, он был ошеломлен: это оказался мужчина! Причем мужчина, с рождения обладавший способностью к деторождению.

Ху Лянь был потрясен. Выслушав подробности, он даже тайком сфотографировал того человека. Он ничего не сказал Лю И. Тот с таким трудом начал выбираться из тени осознания своей бесплодности, что Ху Лянь не стал бы без причины беречь его раны.

Насколько трудно найти человека? Раньше Ху Лянь и представить не мог. Поначалу он был полон уверенности, полагая, что с ресурсами Хуажун Интернэшнл это проще простого. Но на деле это оказалось поиском иголки в стоге сена: кроме внешности, он не знал ни имени, ни возраста, ни адреса, ни телефона — ничего!

Прошло несколько месяцев, результатов не было, и Ху Лянь был близок к срыву. Он колебался, стоит ли рассказать Лю И — ведь у того возможностей было куда больше, вдруг он смог бы найти человека?

Но первым об этом узнал не Лю И, а Лю Хэн. Узнав правду, он запретил Ху Ляню посвящать брата в эти дела. Ху Лянь был в смятении: он — секретарь Лю И, а не Лю Хэна, и должен действовать в интересах своего босса. Ему казалось, что лучше знать правду.

Однако Лю Хэн тогда очень серьезно спросил его:

— Вымышленные имя и личность, одна лишь фотография. Даже при всей мощи семьи Лю, каковы шансы найти человека в целом мире? А если найдем, и окажется, что случился выкидыш? Пока у человека есть надежда, он живет. А если однажды правда вскроется, и Лю И поймет, что ничего не получил — что ему тогда делать?

Ху Лянь и Лю Хэн, заботясь о Лю И, втайне тратили деньги и силы на поиски, пока сам Лю И оставался в неведении. Но если бы он узнал — разве не нашел бы пропажу быстрее? Ху Лянь чувствовал, что стоит на распутье, но Лю Хэн подтолкнул его вперед. Пути назад не было.

Прошли годы. Лю И так ничего и не узнал, а вестей о том мужчине не было ни на йоту. Иногда Ху Лянь спрашивал себя: если бы он рассказал тогда, нашли бы его быстрее? Но тут же с облегчением думал: к счастью, не сказал. Если бы за столько лет они так никого и не нашли,

выдержал бы Лю И с его упрямым характером такой удар?

Но теперь перед Ху Лянем не было двух путей. Остался лишь один.

Гао Янь! Это Гао Янь! А у него есть трехлетний сын, который часто болеет... Может, слабое здоровье ребенка — следствие низкой активности сперматозоидов Лю И в то время?

Ху Лянь сомневался, но не хотел себя обманывать. Разум и чувства подсказывали: если не случилось ошибки, то Гао Янь — тот самый человек!

Ху Лянь, свернувшись калачиком на офисном диване, закрыл глаза. Неудивительно, что они с Лю Хэном искали столько лет и не нашли: Гао Янь — человек без документов, без прописки, с фальшивым удостоверением. А учитывая давление со стороны клана Гао, он жил настолько скрытно, что его было невозможно заметить.

Ху Лянь сел и снова взял в руки анкету Гао Яня. Его взгляд замер на имени Гао Юйчэнь.

Гао Юйчэнь!

Ху Лянь взял телефон и набрал номер детского центра ухода.

Дундун еще вчера вечером тоненьким, обиженным голоском спрашивал, где его второй папа, и у Гао Яня возникло недоброе предчувствие. Но он не ожидал, что ребенок плохо поспит и с утра начнет кашлять.

Дундун проснулся в слезах, голос охрип, личико побледнело. Он кашлял после каждого слова, фразы звучали прерывисто. Сун Мин всю ночь не возвращался, а утром прислал сообщение, что занят и вернется только поздно вечером.

Дундун кашлял без остановки, но лоб был прохладным. Гао Янь на всякий случай измерил температуру и, увидев показатели на градуснике, почувствовал, как на виске запульсировала вена: у ребенка был жар.

Гао Янь поспешно переодел сына, собираясь в больницу. С детьми нельзя медлить, тем более с таким слабым здоровьем, как у Дундуна.

Только он закончил сборы, как зазвонил телефон. Незнакомый номер. Гао Янь ответил,

продолжая одеваться:

— Алло?

— Здравствуйте, это господин Гао Янь? Вас беспокоят из детского центра ухода. Сообщаем, что карта на имя Гао Юйчэня готова...

Гао Янь опешил: он не ожидал, что так быстро. В больнице говорили, что уйдет три рабочих дня.

— Простите, мой ребенок сегодня приболел, кашляет и температура, я везу его в больницу...

На том конце трубки врач сделал паузу:

— Вы можете привезти его к нам, в центр. Не нужно стоять в очередях, я распоряжусь, чтобы вас приняли без записи. В больнице сейчас наверняка полно народу.

— Хорошо! — согласился Гао Янь.

В центре ухода их уже ждала медсестра. Увидев Гао Яня, она поспешила навстречу, погладила Дундуна по голове и проводила их в кабинет.

Диагностика, лекарства, оплата — Гао Янь впервые столкнулся с таким простым и быстрым процессом. Врачи и медсестры были невероятно профессиональны, а одна из них даже принесла охлаждающий пластырь для ребенка.

Единственное, что показалось Гао Яню странным — у Дундуна взяли кровь на анализ, хотя это была обычная простуда.

— Зачем анализ? — спросил он.

Врач объяснил:

— Чтобы исключить другие физиологические заболевания. Раз ребенок зарегистрирован в нашем центре, анализы — обязательная процедура.

Гао Янь доверял врачам. Если не верить им, то на что еще надеяться? Не на молитвы же?

Дундуну сделали жаропонижающий укол, дали лекарство от кашля, и теперь он лежал на руках у Гао Яня, тихонько похныкивая. Молодая медсестра подошла и прошептала:

— Какой милый малыш.

Гао Янь обнял сына:

— Это он так капризничает, вредный, как щенок.

Медсестра удивилась:

— Он правда родился в год Собаки?

Дундун уткнулся лицом в грудь Гао Яня, дернул плечиком и, закрыв глаза, снова захныкал:

— Папа, я хочу ко второму папе.

У Гао Яня сердце разрывалось от жалости, но он не знал, что ответить. Он лишь поцеловал сына в макушку:

— Тогда Дундуну нужно поскорее выздороветь.

Дундун поднял глаза на Гао Яня:

— Если я выздоровею, я увижу второго папу?

Гао Янь сжал кулаки и отвел взгляд. Прошло несколько секунд, но он так и не смог ответить. Дундун больше не спрашивал, снова уткнулся в отца, прикусив губу, а его ресницы намокли.

Мимо проходила пара с ребенком: женщина что-то шептала малышу, а мужчина, полный тревоги, следовал за ними. Гао Янь посмотрел на Дундуна и крепко поцеловал его в голову. Сын глубоко вздохнул, зарываясь лицом в одежду отца, и спустя долгое время тихо выдавил:

— Папа.

Гао Янь сохранял спокойствие, хотя его глаза блеснули:

— Дундун такой молодец.

Подняв глаза, он увидел Ху Ляня, стоявшего в дверях с землисто-серым лицом.

Ху Лянь почти не спал всю ночь. Едва получив звонок из центра, он примчался сюда. Всю дорогу он думал о ребенке Гао Яня: на кого он похож? На Лю И или на Гао Яня? Если на Лю И, не возникнет ли у Гао Яня подозрений, когда они встретятся?

Он был измотан, не пил и не ел, всю ночь просидел в кабинете, выкурив пачку сигарет. У Ху Ляня была слабость: при низком уровне сахара в крови он выглядел ужасно — бледный, с

черными кругами под глазами.

Поэтому, когда он предстал перед Гао Янем, тот увидел перед собой почти привидение.

Гао Янь, держа Дундуна на руках, не стал вставать и удивленно спросил:

— Ху Лянь? Ты что здесь делаешь?

Ху Лянь застыл в дверях. Дундун был повернут к нему спиной, поэтому он не мог разглядеть лицо ребенка. Услышав голос Гао Яня, он поспешно стер с лица растерянность, вошел и закрыл дверь:

— Я... у меня здесь дела. Привез документы для господина Лю.

Документы? В больницу?

Ху Лянь указал рукой вниз:

— Господин Лю владеет этим центром.

Гао Янь приподнял бровь: он был удивлен, что клиника принадлежит Лю И.

Дундун в полудреме приоткрыл глаза, но веки были тяжелыми. Он слышал голоса, но у него не было сил отозваться. Ху Лянь подошел ближе и склонился над ребенком.

— Мой сын, Дундун, — представил его Гао Янь.

Ху Лянь улыбнулся:

— Дундун — это домашнее прозвище?

Гао Янь кивнул, продолжая укачивать сына:

— Да. А полное имя — Гао Юйчэнь.

Ху Лянь наклонился еще ниже, вглядываясь в лицо ребенка. Дундун заворочался, Гао Янь переложил его поудобнее. В этот момент Ху Лянь смог рассмотреть его лицо. К его разочарованию, ребенок не был похож ни на Гао Яня, ни на Лю И, хотя в очертаниях лица угадывались знакомые черты.

Щечки Дундуна горели, он тихо покашливал, а на лбу лежал холодный компресс.

— Дундун болен? Сильно? — спросил Ху Лянь.

— Немного кашляет, температура.

— Он часто болеет?

Гао Янь кивнул:

— Да, с самого детства.

Ху Лянь почувствовал, как внутри все сжалось. Он больше не стал ни о чем спрашивать. Он думал, что все эти годы скрывал правду ради Лю И, но о ребенке никогда не задумывался.

В кабинете воцарилась тишина. Ху Лянь чувствовал неловкость: его появление было внезапным и бестактным. Прийти вот так, рассматривать чужого ребенка — это выглядело как поведение психически больного. Он неловко усмехнулся:

— Вы завтракали? Я как раз закончил с делами, могу сходить купить еды.

Ни Дундун, ни Гао Янь не ели. Гао Янь не хотел утруждать Ху Ляня, но тот смотрел на него с такой мольбой, что он сдался:

— Если не трудно, купи Дундуну что-нибудь. Какую-нибудь кашу.

— Конечно, конечно, сейчас! — Ху Лянь развернулся и почти выбежал из кабинета.

У двери он столкнулся с врачом. Ху Лянь отвел его в сторону и серьезно спросил:

— Как ребенок?

Врач, хоть и удивился поведению Ху Ляня, ответил профессионально:

— Слабый иммунитет, простуда — дело обычное. Мы взяли кровь, это не вирусная инфекция. Нужно просто как следует подлечиться, ничего страшного.

Ху Лянь выдохнул, но тут же замер:

— Кровь? Вы брали у него кровь?

— Разумеется, чтобы исключить вирус, — ответил врач.

Ху Лянь кивнул, обдумывая что-то свое, и пошел за едой.

В столовой центра Ху Лянь, минуя очереди, набрал кучу еды. За ним по пятам следовал бледный заместитель директора, не понимая, с чего это важная персона вдруг решила лично покупать завтрак в столовой.

Отдав еду Гао Яню, Ху Лянь затащил заместителя в кабинет:

— Я помню, господин Лю в прошлом месяце сдавал кровь.

— Да-да, она хранится в банке крови, — пробормотал тот, вытирая пот со лба.

— Достань её, — скомандовал Ху Лянь.

— Хорошо... А зачем?

Ху Лянь прищурился:

— Сначала достань, а потом найди лучшую лабораторию для ДНК-теста и экспертов. Понял?

Заместитель почувствовал, как его втягивают в тайны богатых семей, и закивал:

— Понял, я все сделаю.

Ху Лянь прищурился:

— Если до того, как я сам скажу, господин Лю узнает хоть слово — можешь сразу увольняться!

После того как анализы исключили вирус, врач выписал лекарства. Гао Янь удивился:

— Капельницы не нужны?

— Капельницы помогут быстрее, но лучше дать организму ребенка научиться справляться самому. Если с детства приучить его к лекарствам, потом будет сложнее.

Гао Янь боялся, что ребенку будет больно, но доверился врачу.

Ху Лянь принес еду. Гао Янь пытался накормить сына кашей, но тот сделал пару глотков и отвернулся — во рту было горько. Гао Янь терпеливо уговаривал его, используя все ласковые слова, какие знал. Медсестры тоже помогали:

— Дундун такой послушный, покушай, мама будет рада.

При слове мама Гао Янь поднял глаза на девушку. Она ничего не знала и думала, что мать ребенка просто занята на работе. Гао Янь опустил взгляд. Дундун, услышав про маму, затих, его глаза покраснели, он с обидой прошептал:

— Папа...

Гао Янь прекрасно понимал, о чем думает сын, но не мог ничего обещать. Взгляд ребенка был таким пронзительным, что у Гао Яня сжалось сердце.

— Дундун, съешь еще немного, и я расскажу, где второй папа.

Глаза ребенка вспыхнули. Он сам сел, вцепившись в одежду Гао Яня:

— Папа, скажи! Папа не должен обманывать!

Медсестра, услышав про второго папу, тихо удалилась, погруженная в свои фантазии.

Гао Янь покормил сына, дал лекарство, и врач нашел для них отдельную палату на четвертом этаже, чтобы Дундун мог поспать.

Гао Янь взглянул на часы — уже десять утра. Аппетита не было. Попросив медсестру приглядеть за сыном, он пошел умыться. Выйдя из туалета, он встал в коридоре.

Центр был огромным, из окна открывался вид на лужайку и зону отдыха. Гао Янь стоял, глядя вдаль, и на душе стало чуть спокойнее. Он привычно потянулся к карману за сигаретами, но вспомнил, что не курит, и опустил руки.

Он простоял так двадцать минут, погруженный в тревоги и раздумья о будущем. Раньше Сун Мин часто говорил: если бы Гао Янь родился в обычной семье, жизнь была бы проще, а Дундун — счастливее. Гао Янь не любил такие рассуждения. Если есть «если бы», значит, сейчас ты живешь несчастно. А он не хотел признавать свою жизнь несчастной.

<http://bllate.org/book/21448/2191867>